

СВОБОДНЫЕ ДНИ.

Э Т Ю Д Ъ.

Петръ Ивановичъ проснулся, вздохнулъ и тревожно протянулъ руку къ часамъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, въ головахъ у него. Но въ слѣдующій моментъ рука его лѣниво упала на постель и на лицѣ явилась довольная улыбка, довольная и даже нѣсколько саркастическая. Потомъ онъ сладко зѣвнулъ и потянулся подъ одеяломъ, думая о томъ, какъ девять лѣтъ непрерывной канцелярской работы крѣпко укоренили въ немъ привычку просыпаться по утрамъ съ тревожной мыслью, что онъ проспалъ, опоздалъ на службу.

Вотъ и сегодня, не смотря на то, что онъ получилъ отпускъ и можетъ спать сколько хочетъ, онъ проснулся съ этой обычной дрожью испуга, разрѣшавшагося обыкновенно торопливостью, раздраженіемъ на всѣхъ и вся, и поспѣшнымъ бѣгствомъ въ правленіе, куда онъ приходилъ всегда во время и гдѣ пользовался репутаціей аккуратнѣйшаго человѣка.

Петръ Ивановичъ повернулся на бокъ и посмотрѣлъ на окна, залитыя яркимъ солнцемъ весны. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, а среди нихъ помѣщались разные предметы, роль которыхъ заключалась совсѣмъ не въ томъ, чтобъ служить украшеніемъ подоконниковъ. Зачѣмъ тутъ бутылка съ бензиномъ и грязный мѣдный подсвѣчникъ? А также эти коробки, остовъ игрушечной лошади, китовый усъ, очевидно, выданный женой изъ лифъ и приставленный къ стеклу... Нехорошо. Люди идутъ по улицѣ и видятъ—экій удивительный порядокъ въ квартирѣ у Сазововыхъ... Да, надо будетъ сдѣлать женѣ замѣчаніе по этому поводу... Въ деликатной формѣ, конечно. Нужно, чтобъ въ домѣ было чисто и уютно, ибо домъ есть мѣсто отдыха для труженика мужа, утомляемаго ежедневной работой на семью и... и т. д. Дойдя въ своихъ мысляхъ до этой фразы, которую ему стало лѣнь окончить, Петръ Ивановичъ началъ потихоньку свистать сквозь зубы и думать о томъ, какъ распредѣлить и чѣмъ займетъ онъ свой первый свободный день.

Въ комнатахъ было тихо, а со двора доносился высокій голосъ кухарки Дарьи, которая убѣдительно говорила кому-то:

— Мордовская твоя образина, сколько разовъ я тебя чествою, по христіански, просила—вози раньше! Понимаешь—дѣтей по утрамъ мы купамъ.

Петръ Ивановичъ понялъ, что мордовская образина—водовозъ, а Дарья ругаетъ его за то, что онъ поздно привозитъ воду.

Дарья любить порядокъ и довольно сносно готовить, хотя она груба, какъ ломовой извозчикъ. Это надо принять въ свѣдѣнію. И вообще надо заняться домомъ. Въ сущности онъ совсѣмъ не знаетъ, какъ идти тутъ дѣла и какой царить порядокъ. Ему нѣкогда заниматься этимъ—съ 9 ч. до 3-хъ онъ въ правленіи, въ 4 ч. обѣдъ, послѣ обѣда часика два отдыха, въ пять чай, отъ шести до девяти вечернія занятія, въ девять къ кому-нибудь на винтъ—такъ прожито цѣлыя девять лѣтъ. Были, конечно, экстравагантныя событія, нарушавшія эту установившуюся жизнь—роды, крестины,—это пять разъ повторялось, — смерть тещи, болѣзнь жены, холера, смерть двоихъ дѣтей, пожаръ у сосѣдей, кража изъ чулана припасовъ, заготовленныхъ къ Рождеству, поѣздка въ Москву, для полученія наслѣдства, въ количествѣ 729 р. доставшихся на долю жены послѣ смерти ея отца. Довольно много событій для такого времени, какъ девять лѣтъ. Всѣ они вводили за собой въ жизнь извѣстныя волненія, утомляли, потомъ переживались и забывались.

И снова жизнь текла тихо и мирно. Все шло какъ слѣдуетъ въ порядочной семьѣ,—жена любила его, Петра Ивановича, такъ же какъ и наканунѣ свадьбы. Разумѣется, бывали ссоры, но не серьезныя. Дѣти были здоровы и послушны, служба не обременяла и не обманывала его скромныхъ надеждъ, вознагражденіе онъ получалъ вполнѣ достаточное для содержанія такой семьи, было и нѣчто отложенное на черный день. И постоянно занятому своей работой и своимъ вивтомъ Петру Ивановичу казалось, что онъ стоитъ на крѣпкой почвѣ, и жизнь его идетъ въ надлежащемъ порядкѣ, какъ и слѣдуетъ идти жизни každого приличнаго человѣка.

Сдѣлавъ этотъ маленькій смотръ своей жизни, Петръ Ивановичъ сталъ одѣваться снова думая о томъ, чѣмъ-бы ознаменовати

первый день отпуска? Во-первыхъ, нужно устроить обѣдъ получше, во-вторыхъ... вечеромъ составить у себя винтикъ съ выпивкой. А между утромъ и обѣдомъ слѣдуетъ сводить ребятшекъ на прогулку. Вотъ это будетъ хорошо! Забрать ихъ и отправиться въ поле за городъ. Удовлетворенный, Петръ Ивановичъ умылся и вышелъ въ столовую, набросивъ на плечи сѣрый халатъ, сдѣлавшій его, Петра Ивановича Сазонова, похожимъ на пациента гордской больницы.

Въ столовой кипѣлъ самоваръ, было много солнца и какого-то вкуснаго запаха.

— Дарья!—позвалъ Петръ Ивановичъ, но никто не отозвался ему. Возвысивъ голосъ, онъ крикнулъ еще разъ,—тогда послышался гдѣ-то топотъ дѣтскихъ ножекъ и тонкій голосъ Коли, средняго сынишки, закричалъ:

— Дарья, иди; тебя папа зоветъ!

— Коля!—крикнулъ Петръ Ивановичъ. Коля явился; это былъ худенькій человекъ, лѣтъ шести отъ рода. Плечи у него были острые, грудь узенькая, лицо блѣдное и сѣрые глазенки—нервные. Онъ остановился у стола противъ папы, окинулъ его быстрымъ, любопытнымъ взглядомъ, потомъ взялъ молочникъ со стола, сунулъ въ него носъ и разочарованно вздохнулъ.

— Ну, что-жъ ты не поздравляешь меня съ добрымъ утромъ?—спросилъ его отецъ.

— Сегодня не праздникъ,—отвѣтилъ Коля, отрицательно мотнувъ головой. Петръ Ивановичъ понялъ, что хотѣлъ сказать мальчикъ—дѣти видѣли его по утрамъ только въ праздники, и вотъ поэтому Коля не считалъ себя обязаннымъ поздравлять отца съ добрымъ утромъ и въ будни. Петръ Ивановичъ объяснилъ ему, что онъ не правъ. Тогда Коля выдвинулъ еще аргументъ.

— Я наказавъ,—сказалъ онъ, хмурая бровки.

— За что?—освѣдомился Петръ Ивановичъ.

— За то, что Володька отколотилъ меня,
—сообщилъ Коля.

— Этого не можетъ быть, это ты говоришь неправду...

— Нѣтъ правду,—возразилъ Коля на увѣренный тонъ отца и, схватившись рученками за край стола, поѣхалъ подъ столъ, скользя ногами по полу. За нимъ поѣхала со стола скатерть, прихваченная его пальцами, загремѣла посуда. Петръ Ивановичъ вскочилъ и, удерживая скатерть, громко крикнулъ:

— Ахъ ты... оставь!—Но Коля уже треснулся затылкомъ о полъ, вскочилъ на ноги и, обѣими руками потирая голову, смотрѣлъ подъ столъ, очевидно, соображая, какъ все это случилось съ нимъ? Петръ Ивановичъ читалъ ему нотацію, размахивая рукой надъ его головенкой, а въ дверяхъ стояла Дарья и сочувственно кивала головой.

— Такіе они озорные...—начала она, уловивъ моментъ, когда Петръ Ивановичъ сдѣлалъ паузу.

— Оставь! Гдѣ барыня?

— У нижнихъ стояльцевъ... Володя съ Колей подрались съ ихнимъ-то мальцомъ, ну, барыня и пошли...

— Уходи... мнѣ ничего не надо...—сухо прервалъ баринъ ея докладъ. Дарья обидѣлась, повернулась, заворчала и пошла, громко шлепая по полу какой-то допотопной обувью. Петръ Ивановичъ обернулся къ сыну. Тотъ изслѣдовалъ пальцемъ внутренность молочника и испуганно бросилъ его на столъ когда отецъ громко крикнулъ:

— Колька! Кто тебѣ позволилъ?

Въ то-же время Петръ Ивановичъ думалъ про себя, что жена довольно - таки плохо воспитываетъ дѣтей, и что нужно будетъ поговорить съ ней по этому поводу. А Коля, растерянный и испуганный, засунулъ палецъ въ ротъ и сталъ пробираться къ двери:

— погоди! Иди сюда... Расскажи мнѣ, зачѣмъ ты и Володя побили Алешу? Ну? Какъ это вышло?

Тонъ отца былъ суровъ, и Коля рѣшилъ, что для него гораздо лучше будетъ, ^{если} онъ разревется. Онъ такъ и сдѣлалъ, метью бросившись вонъ изъ столовой, наткнулся въ дверяхъ на мать, уцѣпился за ея платье и, кутая имъ свою голову кричалъ благимъ матомъ.

— Вѣдь я уже наказала его...—недовольно сообщила мужу Варвара Васильевна, стоя въ двери и глядя сына по головѣ.

— Позволь...—началъ было Петръ Ивановичъ.

— И тебѣ не нужно было вмѣшиваться. Вѣдь ты не знаешь кто правъ...

— Ты не права... я, во-первыхъ, никого не наказывалъ...

— Но почему-же ребенокъ бѣжитъ отъ тебя сломя голову...

— Это уже дѣло твоего воспитанія...

— Ахъ Боже мой! Какой педагогъ!

Она повернулась въ дверяхъ и вышла. Петръ Ивановичъ изумленно посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Вотъ совершенно неожиданный диалогъ! Петръ Ивановичъ думалъ встрѣтиться съ женой честь честью, сообщить ей о планахъ дня и вообще, такъ сказать, насладиться у семейнаго очага. А тутъ вдругъ такая сцена... Очевидно, жену раздражило объясненіе съ Зимиными по поводу этой драки. Нужно пріимириться. Въ результатъ этихъ маленькихъ перипетій чай Петра Ивановича остылъ, а самъ Петръ Ивановичъ проникся смутнымъ чувствомъ недовольства и у него исчезло желаніе совершить прогулку съ дѣтьми.

Нужно было занять это время чѣмънибудь другимъ. Привычка къ работѣ сказывалась въ чиновникѣ. И такъ—чѣмъ-же наполнить время до обѣда? И Петръ Ивановичъ задумчиво потеръ лобъ.

М. Горькой.

Вур. М. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

и М. Г. Миди. Метже

СВОБОДНЫЕ ДНИ.

Э Т Ю Д Ъ. *)

Въ дверь заглянула мордочка его второго сына Володи. Это былъ восьмилѣтній бутузъ съ толстыми щеками всегда возбуждавшій у своего отца мысль о томъ, почему онъ, первенецъ, такой здоровый, толстый, спокойный, а Коля—хилый, нервный? А Лиза,—такъ та, кажется, родилась специально для того, чтобъ хворать...

— Ну, иди сюда, Волька...—ласково позвалъ Петръ Ивановичъ своего любимца. Тотъ пошелъ, медленно шагая и оглядывая отца нѣсколько подозрительно...

— Здравствуй... драчунъ. Ты зачѣмъ подрался съ Алешей?—Володя ткнулся головой въ грудь папы и солидно заявилъ:

— Онъ первый началъ... Онъ толкнулъ Колю, а я заступился...

— Ишь ты рыцарь какой...—одобрительно произнесъ Петръ Ивановичъ, но тотчасъ же сообразилъ, что говорить такъ съ мальчикомъ нельзя—это звучитъ какъ поощреніе къ дальнѣйшимъ дракамъ.

— Всетаки, ты не долженъ былъ драться...

— А онъ-бы побилъ Колю... и меня...

— А ты бы пошелъ къ его мамѣ и сказалъ ей, что онъ дерется, т. е. ты долженъ былъ пойти къ своей мамѣ...

Петръ Ивановичъ нѣсколько смѣшался, къ которой изъ двухъ мамъ всего удобнѣе пойти въ такомъ случаѣ?

— А! вы кажется преподаете ребенку уроки ябеды?—раздался голосъ одной мамы изъ сосѣдней комнаты. Петръ Ивановичъ вздрогнулъ и нѣсколько взволновался...

— Выдь, Володя...—И когда сынъ, любопытно оглядываясь, вышелъ и спрятался за дверью столовой, чтобы послушать о чемъ будутъ говорить папа съ мамой,—папа началъ рѣчь по направленію къ невидимой мамѣ.

— Матушка! Да ты сегодня совершенно невозможна... Если ты вообще нервная жен

*) Продолженіе. См. № 346.

щина — такъ зачѣмъ-же злоупотреблять то-
этимъ свойствомъ?

— Пожалуйста безъ остроумія... Это вы
изволили встать сегодня лѣвой ногой съ по-
стели... зацурали ребенка до истерики, дру-
гого учителя Богъ знаетъ чему и даже кухарку...

— Даже и кухарку оскорбилъ! Однако, я
порядочный извергъ... если все это не иг-
ра твоего воображенія...

Онъ старался быть сдержаннымъ и спо-
койнымъ, а это сердило жену. Она, съ рас-
пущенными волосами и въ бѣлой кофтѣ,
разстегнутой на груди, явилась на порогъ
столовой и, презрительно посмотрѣвъ на не-
го, заявила:

— Вы захлебываетесь злостью... Вы во-
ображаете себя въ своей канцеляріи, да?

— Ва-аря! — ужаснулся Петръ Ивановичъ.
Онъ терпѣть не могъ, когда его правленіе
называли канцеляріей. Его не столько сер-
дила, сколько изумляла жена, онъ никогда
не видалъ ея такой злой и нелѣпой. И гля-
дя ей въ лицо, онъ искалъ успокоивающихъ
словъ, думая въ то-же время — что съ ней?
Раньше вся его домашняя жизнь шла „на
скорую руку“, и даже ссоры носили харак-
теръ торопливости и недосуга... Но не мо-
жетъ-же быть, чтобы она дожидалась сво-
боднаго времени съ цѣлью излить на него
все накопленное ею недовольство и раздра-
женіе?

А она стояла въ дверяхъ и, взвинчивая
сама себя, оскорбляемая его покорностью и
недоумѣніемъ, отраженнымъ на его лицѣ —
изливалась. Она несла положительно какую-
то чепуху, но крайне злую чепуху. Онъ
пытался остановить ее, успокоительно про-
износя:

— Варя! Послушай! Варюша... Варвара...

Но это не дѣйствовало на нее. Тогда
вдругъ онъ вскипѣлъ, вспыхнулъ и, вскочивъ
со стула, ударилъ по столу кулакомъ и
крикнулъ:

— Прошу за м... молчать!

Она вздрогнула и лицо ея стало синимъ.
Широко открывъ глаза, она медленно про-
изнесла:

— Да-а? Вотъ какъ? — И многозначительно
кивнувъ головой, исчезла.

Петръ Ивановичъ снова сѣлъ за столъ.
Дышалось ему тяжело, въ вискахъ стучало

и на языкѣ вертѣлись грубыя, оскорбительныя слова. Онъ чувствовалъ, что все происшедшее въ это утро въ высшей степени нелѣпо, и въ то-же время понималъ, что за этой нелѣпостью есть какая-то законность существованія. Это еще болѣе злило его.

Пришла горничная убирать посуду и Петръ Ивановичъ отправился въ садъ, не желая видѣть ни дѣтей, ни жену и полный ощущенія какой то тяжелой тревоги. Тамъ пройдя въ бесѣдку, онъ сѣлъ на скамью, пытаясь возстановить предъ собой лицо жены, какимъ оно было когда-то. Но ему не удавалось это—жена являлась предъ нимъ такой, какова она была теперь. И—страшно дѣло!—онъ не видѣлъ въ ней ничего красиваго, ничего интереснаго. Худое, нервное лицо съ большимъ ртомъ, лобъ узевъкій, ротъ большой, зубы черные.

И вдругъ его поразила странная мысль. Вѣдь онъ совершенно не знаетъ ея, матери его дѣтей! О чемъ она думаетъ, чего хочетъ, каковы ея взгляды на дѣтей и на все? Ему положительно не приходило въ голову узнать отъ нея все это. Некогда, все какъ-то было говорить объ этомъ съ ней. Вкусы ея ему извѣстны—онъ знаетъ, что она любитъ крѣпкій чай, мучное, молочное и сладкое, а мясо ѣсть очень неохотно. Любитъ крѣпкіе духи, яркіе цвѣта... А вѣруеть она въ Бога? Ходить въ церковь иногда, не часто, но какъ вѣруеть? А самъ онъ...

И перейдя къ самому себѣ, Петръ Ивановичъ нашелъ себя, къ своему крайнему изумленію, какимъ то новымъ. Это смутило его. И онъ долго искалъ въ себѣ то, что когда то, во дни юности и университетской жизни было въ немъ... Но что это было? Гдѣ это чувство? Отъ него остались какіе то уродливые обрывки и по нимъ ничего нельзя было возстановить. Онъ сидѣлъ, широко открывъ глаза, и, думая о всемъ этомъ, въ то-же время чувствовалъ, что его какъ-бы тяветъ куда-то внизъ—точно онъ скользитъ подталкиваемый тяжестью, опустившеюся ему на плечи.

Не разъ мимо него пробѣгали дѣти, но, видя, что онъ такъ неподвиженъ, не смѣли зайти въ бесѣдку. Потомъ его звали къ обѣду. Онъ отказался. Когда горничная спросила.

- Прикажете мнѣ накормить дѣтей?
- А барыня?
- Онѣ ушли съ утра еще...
- Ну хорошо...

Онѣ чувствовалъ, что надо-бы сдержаться и не подавать прислугѣ вида, что ему такъ не по себѣ—но не могъ сдерживаться. А въ головѣ все рождались новыя, странныя мысли. Это было какое-то нападеніе на него, нападеніе въ распахъ.

— Это отъ непривычки къ бездѣлю, — рѣшилъ онѣ.—Надо чѣмъ нибудь заняться.

Но ничѣмъ не занялся, а такъ и сидѣлъ до вечера, уныло понутивъ голову, осождаемый этими новыми мыслями, точно заблокированный ими. Что случилось, собственно говоря?—ставилъ онѣ себѣ вопросъ и, пожимая плечами, рѣшалъ его:

— Ничего ровно не случилось! Поссорился съ женой—экая важность!

Но этотъ отвѣтъ былъ только формальностью и ничего не исчерпывалъ собой. Очевидно, что что-то случилось... или должно было случиться? Поеживаясь отъ ощущенія внутренняго холода, Петръ Ивановичъ всталъ, нѣсколько разъ прошелся по саду и хотѣлъ войти въ домъ. Но остановился у садовой калитки и не пошелъ, не желая видѣть жены. Онѣ рѣшилъ, что ему ее надо обдумать, такъ сказать. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ онѣ, въ сущности, и не думалъ надъ ней.

Потомъ его позвали къ вечернему чаю. Узнавъ, что барыня еще не пришла, онѣ пошелъ и напился чаю съ булками, а потомъ отправился въ свою комнату, легъ тамъ на диванъ и сталъ смотрѣть въ небо черезъ отворенное окно. Въ небѣ все было тихо и спокойно и Петръ Ивановичъ нѣсколько успокоился.

— Пройдетъ!—подумалъ онѣ сквозь дрему, охватывавшую его повемногу своими мягкими объятіями. Потомъ онѣ заснулъ. Такъ душно онѣ провелъ свой первый свободный день.

Иван. Фед.

М. Горькій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

№ 348, ~~Иван. Фед.~~ *Иван. Фед.*
Внѣшность знаменитыхъ артистокъ.

Въ послѣднемъ выпускѣ „Revue des revues“ Эврико Ферри помѣстилъ статью о физионо-

Иван. Фед. 1458

СВОБОДНЫЕ ДНИ.

Э Т Ю Д Ъ. *)

На другой день Петръ Ивановичъ всталъ съ чувствомъ легкаго недомоганія, съ тяжелой головой и съ тоскливымъ ощущеніемъ въ груди. Въ дѣтской плакала Лиза болѣзненнымъ, надрывавшимъ душу плачемъ хилого ребенка. Жена, порой, рѣзко вскрикивала—очевидно, все еще не въ духѣ и ругается съ няней.

— Зачѣмъ родятся и живутъ больныя дѣти? — морща лицо, подумалъ Петръ Ивановичъ и тотчасъ же ему стало стыдно этой мысли. Ужъ, конечно, не дѣти виноваты въ томъ, что они мало жизненны...

Итти въ столовую Петру Ивановичу не хотѣлось. Тамъ встрѣтишься съ женой, и она вновь, навѣрное, устроитъ сцену, въ возмездіе за его вчерашній крикъ. Положительно она вчера проявила что-то особенное, чего раньше онъ не замѣчалъ въ ней. Нужно будетъ серьезно поговорить съ ней. Въ сущности въ домѣ очень мало порядка—хоть-бы эта бутылка съ бензиномъ въ спальнѣ на окнѣ... Дѣти воспитаны плохо,—особенно Колька... Пожалуй, онъ Петръ Ивановичъ былъ грубъ вчера, но вѣдь это она-же сама виновата. И, ободривши себя такими мыслями, Петръ Ивановичъ сталъ умываться. Но въ умывальникѣ, какъ на грѣхъ, не хватило воды и съ лицомъ въ мылѣ, онъ началъ звать горничную.

— Паша!.. Паша!..

Мыло щипало ему глаза. Снова послышался болѣзненный плачь Лизы и раздраженный голосъ жены:

— Палагея, чортъ возьми!

Она явилась наконецъ и, взглянувъ на нее однимъ глазомъ, онъ увидалъ, что лицо у нея обиженное и злое.

— Воды... вы не знаете вашего дѣла?

— Да разорваться мнѣ что ли? Тамъ Лизонька...

— Воды я вамъ сказалъ!

Она ушла и долго не приносила воды, а онъ стоялъ предъ умывальникомъ, строя злыя гримасы, съ лицомъ въ мылѣ,—и, чувствуя, что онъ смѣшонъ, еще болѣе злился. И когда, умытый и причесанный, онъ вышелъ въ столовую—въ немъ бродило глухое раздраженіе противъ всѣхъ. Оно еще болѣе усилилось, когда онъ увидалъ, что самоваръ уже потухъ, а на столѣ налито.

— Палагея!—звично крикнулъ онъ.

Но пришла жена. Лицо ея и вся фигура выражали угнетеніе и привычку къ страданіямъ, не заслуженнымъ ею. Это окончательно взорвало Петра Ивановича.

— Послушай,—скорбнымъ и умоляющимъ тономъ заговорила она,—укроти ты себя ради Бога!.. Лиза только что заснула, она больна, вдругъ ты кричишь, какъ въ лѣсу... Вѣдь такъ ты сдѣлаешь дѣтей уродами.

— Они уже со дня рожденія уроды, потому что родились въ мать...—отрѣзалъ Петръ Ивановичъ.

Барвара Васильевна зло и сухо блеснула глазами.

*) Окончаніе. См. №№ 346 и 348.

— Вы можете оскорблять меня, но я прошу—пощадите дѣтей.

— Дальше-съ... Продолжайте вашу комедію...

— Ты... злой дуракъ!..

... Минутъ пять Петръ Ивановичъ просидѣлъ какъ-бы въ оцѣпенѣніи. Что это творится? стучало у него въ головѣ. Сквозь все зло и тоску ему все-таки было ясно, что все происходящее—совершенно безсмысленно, и онъ чувствовалъ, что ему стыдно самого себя. И въ то же время, ему казалось, что все это законно, что собственно такъ и слѣдуетъ и его пугала эта мысль. Это, пожалуй, даже и не мысль была, а предчувствіе, ощущеніе. Торопливо выпивъ свой чай, онъ со скукой оглянулся вокругъ и рѣшилъ, что лучше ему опять уйти въ бесѣдку, какъ это сдѣлалъ онъ вчера. Къ своему неудовольствію, даже къ испугу, въ бесѣдкѣ онъ встрѣтилъ жену. Она сидѣла, облокотясь о столъ, плакала и вытирала лицо платкомъ. Глаза у нея были красные, опухли и вся она была какая-то разстрепанная и жалкая. Когда онъ вошелъ въ бесѣдку, она быстро встала ему на встрѣчу и окинула его презрительнымъ взглядомъ. Онъ хотѣлъ посторониться и пропустить ее, но вдругъ повинуясь внезапно вспыхнувшему въ немъ чувству, схватилъ ее за руку и глухо сказалъ:

— Подожди, Варвара...

Она рванулась отъ него молчаливая и злая.

— Подожди-же! Намъ нужно поговорить серьезно... Тонъ его словъ былъ такъ внушительнъ, что она остановилась и съ любопытствомъ, плохо прикрытымъ дѣланымъ безстрастіемъ, спросила его:

— Что вы хотите?

— Сядемъ...—сказалъ онъ. Она поколебалась и сѣла за столъ, онъ сѣлъ противъ нея и молчалъ, волнуясь и не зная съ чего начать ему разговоръ...

Она изъ подлобья слѣдила за нимъ, дѣлая видъ, что не обращаетъ на него вниманія. Наконецъ ему показалось, что онъ нашелъ нужныя слова и вотъ онъ началъ говорить:

— Такъ жить нельзя...

Но когда онъ произнесъ это—онъ вспомнилъ, что уже не разъ говорилъ ей такъ. И онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на нее. думая, что она, навѣрное, считаетъ его глупымъ за эти повторенія. Но она утвердительно кивнувъ головой, обиженно бросила ему.

— Конечно, нельзя...

Онъ легко вздохнулъ.

— Если и ты видишь это—тѣмъ лучше, скорѣе мы поймемъ другъ друга. Мы люди не первой молодости... да. Намъ нужно договориться... Что такое происходитъ у насъ? Я положительно пораженъ... Что у тебя за настроеніе? откуда оно? что ты имѣешь противъ меня? наконецъ...

— Хорошо!—воскликнула—она.—Хорошо! обративъ къ нему лицо съ оскаленными зубами, она измѣряла его фигуру враждебнымъ взглядомъ.

— Разсуди самъ... Какъ я живу? Ты думалъ объ этомъ? да? Нѣтъ, конечно. О женахъ не думаютъ... Онѣ возятся всю свою жизнь съ няньками, съ кухарками, съ больными дѣтьми, всю жизнь! Ихъ компанія—ихъ прислуга. Я вотъ и живу такъ. Я девять лѣтъ молчала... все смотрѣла, что-же

будетъ дальше? Я убила здоровье. Истрепала нервы... Скажи мнѣ это ради чего-же все? Види того, чтобъ былъ во время готовъ тебѣ обѣдъ... чтобъ тебѣ жилось спокойно... все для тебя... все ради тебя... а я? а я? Я послѣдній годъ много думала... зачѣмъ-же я жила, и какое же удовольствіе отъ такой жизни? Я изжилась... стала больна... стара и некрасива—ради чего? Дѣтей? А что я... что я могу сдѣлать для нихъ? Они меня не слушаютъ, тебя никогда нѣтъ дома, а когда ты дома ты спишь или составляешь винтъ... Ты совѣмъ какъ чужой всѣмъ... ты хозяйинъ... а я твоя служанка, да? Ну, такъ я не хочу этого!

Онъ былъ оглушенъ потокомъ ея словъ отрывистыхъ и истеричныхъ. Она говорила—точно рыдала. Когда-то давно онъ слышалъ все это, не отъ нея и въ болѣе строгомъ изложеніи. Но—откуда это у нея? Быть можетъ, она читала книги за послѣднее время? Она никогда не любила читать, но со скуки быть можетъ читаетъ теперь?

Онъ не замѣчалъ у нея книгъ. А не Зими́на ли втолковала ей такія выцвѣтшія идеи? Она, эта Зими́на, книжница и фарисейка и въ большой дружбѣ съ женой, кажется...

— Послушай, Варя, — что ты говоришь? Точно ты дѣвочка изъ этихъ... либеральныхъ... Вѣдь и я же работаю, вѣдь и моя сила уходить и... вообще я не понимаю тебя! Откуда ты взяла все это? Кто тебѣ внушилъ, что я деспотъ и проглотилъ твою жизнь... вѣдь это-же смѣшно! Это не достойно порядочной женщины, такъ рассуждать. Остается ждать, что ты предложишь разводъ. Какая нелѣпица!

— Мнѣ это жизнь внушила, жизнь изодня въ день!—криливо говорила Варвара Васильевна.

— Позволь! ты потише... не кричи на всю улицу. Ну, ты подумай...

— Я думала уже—благодарю.

— Да чего-жъ ты хочешь, наконецъ?—съ раздраженіемъ вскричалъ онъ.

— Чего? чего?—зачастила она и вдругъ умолкла. Чего она въ самомъ дѣлѣ хочетъ? Ей дурно живется, это знаетъ каждый фибръ ея существа, она утомлена возней съ дѣтьми и хозяйствомъ и ей очень хотѣлось бы пожить какъ нибудь иначе, отдохнуть, отдышаться отъ этихъ затхлыхъ будней, отъ однообразныхъ и скучныхъ дней, ея существованія. Но мечтая объ этомъ, она никогда не рисовала себѣ иного положенія реально и практически. Какъ, собственно говоря, можно бы жить иначе? Ближе къ мужу и дальше отъ развращающихъ душу дрязгъ? Какія еще формы можетъ принять жизнь женщины? Она не знала этого. Къ тѣмъ богачкамъ, что разъѣзжаютъ по улицамъ въ коляскахъ, бросивъ дѣтей на руки боннѣ—она относилась презрительно, считая ихъ вѣтренницами и ставя себя выше ихъ. А какая еще есть жизнь у женщины? Этого она не могла представить себѣ и не представляла ни раньше, ни теперь.

— Чего я хочу?—со слезами и злобой въ голосъ спрашивала она. И ей было крайне стыдно не умѣть сказать мужу, чего она хочетъ.

— Эхъ ма-атушка-а!—иронически вытянулъ онъ.—Дуришь ты, вотъ что я тебѣ скажу, да! И не идетъ это къ тебѣ—подумай-ка, вѣдь тебѣ тридцать пятый!

— Нѣтъ, я знаю! Знаю!

— Ну-съ? Чего же?

— Свободы! Отдыха!—истерически крикнула она.

— Сво-ободы? Это какой-же? Чтѣбы по французски...

— Пошлякъ... вы пошлякъ!

Она исчезла. И опять Петръ Ивановичъ долго сидѣлъ ошеломленный ея крикомъ. Да что-же это, наконецъ, что? Происходить какое-то крупное недоразумѣніе, смѣшное, водевильное, и въ то-же время тяжелое, отвратительное. Дуль вѣтеръ и деревья сада мятежно шумѣли, какъ-бы въ униссонъ настроенію человѣка, вдругъ выбитаго изъ колеи. Петръ Ивановичъ старался разобраться въ хаосѣ своего настроенія.

— Въ сущности она безусловно во всемъ виновата,—думалъ онъ ища себѣ оплота.— Это дѣйствуетъ бальзаковскій возрастъ... несомнѣнно. Она просто бѣсится. А я—кзель отпущенія, это ужъ постоянная роль мужей... да. Она своротила съ истиннаго пути всякой порядочной женщины въ область какихъ-то дикихъ фантазій и все отбросила... дѣти не воспитаны, прислуга груба, въ домѣ хаосъ... Напримѣръ—эта бутылка съ бензиномъ въ спальнѣ на окнѣ! Чистое безобразіе!.. Нужно думать что все это вліяніе Зиминной... А вотъ взять да и сослать Зиминныхъ съ квартиры?

Но онъ вспомнилъ, что съ Зиминными заключенъ контрактъ и что они вообще хорошіе постояльцы. Нѣсколько минутъ спустя онъ думалъ уже о томъ, что соль событія лежитъ гдѣ-то глубже вліянія Зиминной. Потомъ ему стало обидно. Чего она оретъ о свободѣ и отдыхѣ? Развѣ онъ не нуждается въ этомъ? Развѣ онъ до тридцати трехъ лѣтъ не бился какъ рыба объ ледъ, для того, чтобы устроиться, развѣ послѣ женитьбы, въ теченіе этихъ девяти лѣтъ, онъ не работалъ какъ волъ, стараясь свить прочное семейное гнѣздо? И свиль и... что-же? Остается спокойно жить и пользоваться жизнью и воспитывать дѣтей. А тутъ эти бутылки на окнахъ... общій безпорядокъ жизни, дикія фантазіи, смѣшныя жалобы, сцены, безпричинная злоба. И все это сразу, вдругъ. Точно кто то давно уже подстерегалъ Петра Ивановича Сазонова и вдругъ выпустилъ на него цѣлый вихрь разнообразныхъ пошлостей, какъ-бы мстя ему за что то. Отдыха! Онъ самъ давно хочеть этого отдыха—ему уже сорокъ два года, пора! Онъ достаточно работалъ, создалъ благосостояніе, пожертвовалъ ради этой работы всей своей молодостью, затратилъ на нее всѣ свои силы.

Внезапно Петра Ивановича поразила одна странная мысль. Онъ все устраивался, устраивалъ жизнь, а... жилъ-ли онъ? Т.-е. можно-ли и слѣдуетъ-ли ему признать эти вѣчные заботы и труды для созданія себѣ прочнаго положенія и приличнаго состоянія—слѣдуетъ-ли это признать за жизнь? Развѣ она такая и именно въ этомъ весь ея смыслъ и всѣ удовольствія, все ея значеніе и цѣль? Неужели—онъ только для того родился и жилъ, чтобы только приготовляться къ жизни? А вѣдь онъ, въ сущности, не жилъ, а только все устраивался, нацѣливался и работалъ, ужасно много работалъ...

Петръ Ивановичъ смущенно улыбался, глядя въ садъ изъ бесѣдки и хрустя паль-

цами. Не вѣтъ этого быть! Все-же такъ живутъ и нѣтъ вѣдь никакой иной жизни болѣе широкой и полной? Онъ не ошибся и жилъ какъ слѣдуетъ, какъ всѣ... Но только... вся работа и все стремленіе накопить на черный день, и теперь вотъ близка старость. Вся жизнь прошла въ работѣ... это вѣрно. Но вѣдь въ этомъ и цѣль жизни человѣка? И средства и цѣль—конечно!

А однако это странно устроено... Жить—для чего? Чтобы работать... Работать для чего? Чтобы жать... Получается нѣчто совершенно правильное.

Но это нѣчто хотя и было совершенно правильно, однако Петръ Ивановичъ почувствовалъ, что отъ этой правильности вѣтъ холодомъ и тоской, тяжелой, гнетущей душу тоской. И потомъ былъ какъ будто-бы какой-то проемъ съ его стороны, онъ чувствовалъ что что-то изъ его души онъ не пустилъ въ дѣло, чѣмъ-то не воспользовался, заморилъ въ себѣ или незамѣтно для себя по-немножку и безъ толку разстратилъ, растерялъ нѣкоторое цѣнное, живое и свѣтлое чувство. Смутно вспоминая свое прошлое, дни своей юности, онъ возстановлялъ какое-то особое трепетное бѣненіе своего сердца, бѣненіе, приносящее съ собой особенныя мысли, чувства и слова.

Но это было такъ давно—съ той поры прошло почти ужъ четверть вѣка, и ясно Петръ Ивановичъ не могъ себѣ представить въ чемъ было дѣло. Помнилъ онъ, что это что-то нѣкогда было для него правдой, потомъ онъ призналъ, что это дѣтскія мечты и изгналъ ихъ изъ своего обихода. А потомъ забылъ про нихъ въ работѣ.

И теперь онъ чувствовалъ себя не въ состояніи возстановить ихъ. А въ нихъ, очевидно, было что-то сильное и вообще хорошее, ибо хотя онъ и не помнилъ ихъ, но ему было жалко ихъ, и чувство грусти охватило его. Неужели въ нихъ, именно, былъ настоящій смыслъ жизни?

— Однако... однако!—вытирая потъ со лба, думалъ онъ, возвращаясь къ дѣйствительности,—это просто навожденіе какое-то! точно полоса какая-то, совершенно новая полоса жизни... Что это за отрывокъ прошлымъ? Зачѣмъ?

Сквозь вѣтви деревьевъ сада была видна стѣна дома, балконъ, окна. Вонъ жена стоитъ у одного окна и, кажется, поливаетъ цвѣты. Н-да... цвѣты, растенія и за ними есть уходъ со стороны людей, и живутъ они просто, безъ ошибокъ, безъ думъ, сомнѣній и всякой меланхолии. А человѣкъ съ душой и съ разумомъ... Но Петръ Ивановичъ не кончилъ параллели, чувствуя, что она не удается ему. А все-таки хорошо быть растеніемъ и стоять въ комнатѣ на окнѣ. Покойно, поливаютъ водой, слѣдятъ за ростомъ, берегутъ... даютъ въ мѣру свѣта и влаги...

Въ мѣру свѣта! А что человѣку въ мѣру его силъ и его способностей дано свѣта или не въ мѣру?

— Господи помилуй! Вѣдь я же въ философію ударился!—мысленно воскликнулъ Петръ Ивановичъ. Онъ всегда терпѣть не могъ философіи и философовъ и ему было очень стыдно, когда онъ самого себя уличилъ въ этомъ бессмысленномъ занятіи. Онъ рѣшилъ взять себя въ руки и твердо поставить на почву дѣйствительности.

Что ему нужно сдѣлать и какъ поступить

съ женой? Пойти къ ней и, приласкавъ ее, помириться съ ней? Гмъ?... Нѣтъ! Она знаетса очень. Не разговаривать съ ней, пока она сама не заговорить? Господи! Какая это будетъ тоска! Нѣтъ, надо дорожить отпускомъ, не слѣдуетъ портить его, ихъ не часто даютъ, отпуски-то... Какъ бы это устроиться?

Ба! Уѣхать къ сестрѣ въ деревню! Конечно! Самое лучшее! А какъ это оглушительно подѣйствуетъ на жену. И еще слѣдуетъ сказать ей что-нибудь на прощанье,—напримѣръ такъ:

— Вотъ, сударыня, я уѣзжаю отъ васъ къ сестрѣ отдыхать... Да-съ, отдыхать ѣду. Ибо въ семьѣ, которую я создавалъ въ потѣ лица, въ продолженіе десяти лѣтъ—мнѣ нѣтъ возможности отдохнуть! Благодарю васъ—это именно вамъ я обязанъ такимъ милымъ положеніемъ!

Рѣшивъ такъ, онъ торопливо всталъ и спѣшно пошелъ въ домъ. Онъ спѣшилъ потому, что, не смотря на твердо принятое имъ рѣшеніе, онъ боялся не выполнить его. У него въ груди копошилось что-то грустное и острое и какая-то не оформленная, тяжелая мысль вертѣлась въ головѣ.

— Пелагея! Принесите мой чемоданъ и уложите въ него все что слѣдуетъ... Я уѣзжаю...—Строго скомандовалъ онъ. Мимо него во всю прыть промчался Коля. Въ дѣтской кашляла Лиза... Жена, должно-быть, была тамъ...

Петръ Ивановичъ постоялъ въ корридорѣ, возстановляя въ умѣ своемъ рѣчь, приготовленную для жены, и потомъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ... Тамъ уже горничная возилась съ чемоданомъ... Петръ Ивановичъ сказалъ ей, что нужно положить, и вышелъ въ столовую. А противъ него въ дверяхъ гостиной стояла Варвара Васильевна съ деревяннымъ лицомъ.

Петръ Ивановичъ выпятилъ впередъ грудь и сдѣлалъ строгое и оскорбленное лицо.

— Вотъ, сударыня,—заговорилъ онъ искренственно глухимъ и дрожащимъ голосомъ,—я уѣзжаю отъ васъ отдыхать къ сестрѣ... Ибо въ семьѣ, которую я десять лѣтъ создавалъ въ потѣ лица,—мнѣ нѣтъ возможности отдохнуть...

Жена, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на него и на ея губахъ играла презрительная усмѣшка.

— Благодарю васъ, ибо это именно вы гоните меня вонъ...—закончилъ Петръ Ивановичъ уже совершенно искренно.

— Вы... вамъ дѣйствительно нужно провѣтриться. Вы выживаете изъ ума... Съ Богомъ!.. Помучайте кого-нибудь другого, кромѣ меня...—спокойно отвѣтила жена и ушла...

Петръ Ивановичъ хотѣлъ, что то еще сказать ей, но махнулъ безнадежно рукой и вновь ушелъ къ себѣ... Тамъ, при видѣ Паши, таскавшей въ чемоданъ вещи, его охватило зло и ему страшно захотѣлось крикнуть ей:

— Пошла вонъ, дура!

Но онъ сдержался и сталъ готовиться къ отъѣзду полный злобы и тоски.

М. Горькій.

Мел. др.

ст. 252, Мел. др.